

За искусство большой мысли

Правда Буратино
г. Улан-Удэ

8 ИЮН 1953

Театральный сезон кончился, впрочем, для нас он еще будет продолжаться на гастролях в Благоевщенске, где мы покажем большинство наших спектаклей.

Чем примечателен этот сезон для коллектива Русского драмтеатра?

Ну, прежде всего, конечно, этот год по-особому знаменателен для всех творческих работников. В декабре и марте состоялись встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Все мы жили под впечатлением того прямого и взыскательного разговора, который состоялся в Кремле.

Сейчас партия и народ готвятся еще к одному важнейшему событию — Пленуму Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам.

А если прибавить к этому еще и приближающийся сорокалетний юбилей республики, то станет ясно, что поводов для подведения итогов и самокритичных раздумий над их результатами достаточно.

И вот если с высоты требований времени посмотреть на то, что мы сделали в этом году, то вряд ли мы найдем много поводов для самодовольствия.

В самом деле, были ли в этом сезоне спектакли, ставшие вехой в нашей работе, ставили ли мы пьесы, появление которых на нашей сцене было бы событием и для театра, и для зрителя? Если не делать самим себе обычных скидок, причин для которых всегда обнаруживается множество, то

можно сказать: нет, не были, нет, не ставили.

Были отдельные удачи и отдельные находки, было немало потерь, была работа, но в целом-то у нас много причин остаться неудовлетворенными тем, что мы сделали.

Далеко не каждый из показанных спектаклей стал фактом настоящего искусства, потому что далеко не все из них основывались на добротном драматургическом материале, потому что не каждый из них нес заряд больших идей, больших чувств, ну и, конечно, потому, что не каждый из этих спектаклей отличался высоким актерским и режиссерским мастерством.

Нельзя не вспомнить в связи с этим об истории, довольно характерной для нашего театра — о подготовке спектакля «Фараоны», который мне пришлось ставить. Я говорю «пришлось», потому что взявшись за постановку этой пьесы, меня вынудили обстоятельства (пьеса уже была в работе, на нее затратили средства, нельзя было срывать производственный план, подводить коллектив).

Конечно, взявшись за спектакль, заведомо зная об идейной неполноте и художественных прочетах драматургического материала, — это одно из проявлений снижения требовательности и извешный компромисс с совестью.

Отсюда и результат — отрицательная оценка критики, да и зритель, если и «хлопал», и смеялся, то это были не те аплодисменты, которые радуют и приносят удовлетворение.

Мы понимаем, что ценность и своевременность работы театра определяют прежде всего идейная, философская значимость и высокий художественный уровень спектаклей. Но одно дело понимать, другое — претворить это в своей практике.

Для того, чтобы мы могли ставить спектакли большого социального звучания, раскрывающие мир чувств и мыслей современного человека, нам нужно не только понимать все то, о чем я сейчас не без горечи сказал. Нам во многом надо коренным образом перестраиваться.

Ведь ясное понимание тех задач, которые партия и народ ставят перед нашим искусством, должно привести к росту требовательности, чувства ответственности, которая ложится на плечи работников театра, верных помощников партии в воспитании человека.

Эта требовательность, высокое художественное чутье и политическая зрелость должны сказаться прежде всего в выборе репертуара. Большую работу в предстоящем сезоне следует провести и по сплочению и воспитанию коллектива в духе высокой партийности, целеустремленности.

Когда театр — сплоченный коллектив единомышленников, тогда такому коллективу по плечу самые трудные, самые ответственные задачи.

П. ДУБОВЦЕВ.
секретарь парторганизации Русского драматического театра.